

ПО СТОРІНКАХ ДОЖОВТНЕВОЇ ПЕРІОДИКИ

И. И. Ролле

Женщины при чигиринском дворе во второй половине XVII века

Степная Елена

Богдан Хмельницкий выступает как исторический деятель внезапно: из скромного чигиринского сотника, а затем войскового писаря он становится обладателем обширного края, разоренного и опустошенного. Желтоводский погром, Корсунская победа, Пилава быстро следуют друг за другом, и победоносное шествие Богдана останавливается у стен Замостья. Триумфатор возвращается в упоении от удачи, въезжает в древний Киев, где его встречают с великими почестями академики и приветствуют его как действительно посланного богом избавителя украинских земель. Неудивительно, если этот, недавно еще простой казак, гордый такой встречей, воскликнул, обращаясь к унижавшимся перед ним польским комиссарам: «Правда, я человек малый, но Господь мне помог сделаться независимым повелителем на Руси»¹.

Но в нашу задачу не входит рассказ о триумфах Богдана — все это известно слишком хорошо. Цель наша гораздо скромнее: мы стараемся обрисовать двор и обстановку гетмана, и в особенности проследить роль женщины, ее влияние и значение при этом дворе. Это не лишено интереса. Известно, что во время военных бурь хмельниччины погибла масса женщин, как местных уроженок, так и привилегированных шляхтянок; большая часть их в качестве предмета меновой торговли поступала в продажу на бахчисарайский и константинопольский рынки, но немало осталось на месте, среди новых условий общественности, неожиданно выступившей на историческую арену.

О происхождении самого Богдана имеется множество самых разноречивых показаний, но мы не намерены вдаваться в подробный их разбор*. Отец гетмана Михаил, по-видимому, не принадлежал к привилегированному сословию**. Тем не менее это был человек бывалый, понатертый и мало чем отличался от шляхтича; Жолковские в Жолкве и Даниловичи в Олесеке пользовались его услугами и советами; последний из них, в качестве корсунского старосты, отдал в 1616 г. Михаилу пустошь в Корсунщине и даже назначил его чигиринским

¹ Michałowski. Księga pamiętnicza.— Kraków, с. 374.

* В історіографії існують різні версії щодо походження роду Хмельницьких. Зокрема, І. Каманін намагався пов'язати його з київськими міщанами Хмелями. Див.: Каманін І. Догадка о происхождении Богдана Хмельницкого из среды киевских мещан // Чтения в историческом обществе Нестора-летописца.— К., 1898.— Кн. 12.— С. 23. Висловлювалося припущення, що цей рід походить з містечка Хмільник на Поділлі, а також з Хмельника у Перемишльській землі / Крип'якевич І. П. Богдан Хмельницький.— Львів, 1990.— С. 42.

** Хмельницький Михайло, чигиринський підстароста, батько Богдана Хмельницького. Походив з дрібної української православної шляхти. Деякі дослідники вважають, що він народився у Лисянці на Київщині. Існує думка, що Михайло Хмельницький походив з Литви чи з Мазовецької землі. Документи свідчать, що він служив при дворі коронного гетьмана Ст. Жолкевського у Жовкві на Львівщині, а пізніше переселився до Чигиринна, де дослужився до вищої посади — чигиринського підстарости. Там 27 грудня 1595 р. і народився майбутній гетьман Богдан (Зиновій) Хмельницький.

подстаростой². Возможно, что Михаил не был местным уроженцем, так как других Хмельницких почти не встречаем на этой окраине. Как бы то ни было, новый чигиринский чиновник понимал важность науки, так как отдал своего единственного сына в иезуитскую школу в Ярославле, где Богдан научился по-латыни и усвоил тот лоск и умение говорить, благодаря которым он пользовался таким влиянием на окружающих*.

Полученный Михаилом хутор, или урочище Субботов находился в миле от Чигирина, официальной резиденции подстаросты. Расположенный над Тясмином и окруженный лесами и болотами, уголок этот скорее походил на стоянку рыбака или охотника, нежели на сельскохозяйственный поселок³. Но вскоре Субботов изменился до неузнаваемости: хозяин поставил дом, устроил пруд, при нем мельницу, пасеку, обширный сад, затем явились и поселенцы. Хутор приносил немалые доходы. Должно думать, что хозяйством заведывала мать Богдана, потому что муж ее, занятый службой, отправился с «волонтерами» под Цецору и там сложил голову в побоище⁴. Сын, сражавшийся рядом с отцом, попал в плен и «два года находился в тяжком заключении, по его собственным словам»⁵. Это было в Цареграде; сделавшись тайным последователем корана**, Богдан получил несколько больше свободы⁶; затем попал в Крым, все-таки пленником; он выучился бегло говорить по-турецки и по-татарски, но в этой школе усвоил он много восточной хитрости и немало завязал отношений, которые облегчили ему впоследствии возможность иметь союзников и располагать по первому мановению силами орды. Пользуясь усвоенным в плену опытом, он по возвращении домой нередко принимал деятельное участие во внутренних междоусобиях польских магнатов. Перед 1646 г. он должен был отправиться в Париж в качестве посредника в деле поступления казаков во французские войска⁷. Богдан пользовался покровительством польского короля Владислава, который знал его лично, потому что войсковый писарь дважды являлся к королю (в 1639 и 1646 г.). Словом, Хмельницкий много видел и побывал в свете, на войне, при дворе, а в школе он познакомился с представителями высшего дворянства и даже духовенства⁸.

Из плена выкупила его мать***. Он вернулся домой как раз вовремя, потому что хозяйство пришло в расстройство под управлением старухи, угнетенной немощью и несчастьями. Сын занялся хозяйством, и по-видимому, он понимал дело, потому что все пошло у него на лад. Наконец, в хуторе стало тесно, и Богдан по усмирении движения Павлюка выпросил у короля степной участок на противоположном берегу Тясмина. Явились постройки, пасеки, гумна, явился чинш с хат и корчем, потому что в них варились меды и пиво⁹. Быть может, благосостоянию помогла и женитьба, имевшая место около 1630 г. или несколько позже. В это время Богдану было с лишком тридцать лет; раньше он не имел возможности думать о браке — поход к Цецоре,

² Michałowski. Op. c., 431. Первоначально грунт Михаила Хмельницкого принадлежал к черкасскому старостству (Rulikowski. Słownik geograficzny, XI, 522).

* Богдан Хмельницкий навчався також в українській школі. В історіографії зустрічається думка, що він був учнем київської гімназії (братської школи). Пізніше він здобув освіту в іезуїтській колегії у Львові.

³ Rulikowski. Op. c., XI, 523.

⁴ Zolkiewski, Pisma, Lwów, 1861, 571.

⁵ Michałowski, op. c., 431.

** Це припущення автора не підтверджується джерелами.

⁶ Sękowski, Collectanea, I, 201—203.

⁷ Костомаров Н. И. Богдан Хмельницкий.— 1884, с. 67 и 24.

⁸ Шайноха, Dwa lata dziejow naszymi.— Lwów, I, 14.

*** За іншими даними, його було визволено з неволі «ясыром татарским и причтен в жовнеры королевские» // За млинский В. Богдан Хмельницкий.— М., 1989.— С. 21.

⁹ Rulikowski, op. c., XI, 523. — Grabowski, Ojczyzcie spominki, I, 138.

многолетняя неволя, затем заботы о хозяйстве не позволяли. Анна Сомко, жена Богдана, была дочерью богатого переяславского купца, по смерти отца осталась сиротой и находилась под опекой брата*. Последний сошелся с Богданом, пользовался его покровительством и даже был назначен впоследствии прилуцким полковником. Спокойного нрава, щедрая, бесценная, Анна всецело отдалась домашнему хозяйству — все остальное ее не касалось. Детей было четверо: Катерина, Елена или Степанида¹⁰, Тимош (род. в 1635 г.) и Юрий (в 1641 г.). Обстоятельства сложились благоприятно: достаток, некоторые успехи на поле мелкой дипломатии и походов в степи, популярность среди казаков реестровых и запорожских, необычная для неважного звания войскового писаря, — словом, в своем чигиринском мирке Хмельницкий, бесспорно, занимал выдающееся положение; войсковые комиссары, назначенные Речью Посполитой (в своем роде региментари над реестровым войском), не беспокоили его, пользовались нередко его советами и видели в нем будущего предводителя казацких отрядов, если последние будут организованы. Богдан водил дружбу с полковниками, а староста (Станислав Конецпольский) и начальник военных сил отличал его пред другими, равными и даже старшими в чине. Так обстояли дела в течение нескольких лет, пока не явилась на сцену особа, известная в истории под именем подстаростины чигиринской**.

Происхождение этой степной Елены неизвестно, местные источники на этот счет расходятся. Но так как она держалась восточного обряда, то нужно думать, что родилась она на Украине. Называли ее «Ляшкой», — быть может, отец ее был выходец из Речи Посполитой. Несомненно, она осталась сиротой, потому что нашла пристанище в доме Хмельницких. Трудно сказать, чем собственно она там занималась. Младший сын гетмана, Юрий, выказывал ей впоследствии большую привязанность, — вероятно, она ухаживала за ним, когда тот был еще ребенком. Болезненной хозяйке дома нужна была помощница. Естественно было взять сироту для услуг по хозяйству. Но помощница Анны сумела занять место и в сердце ее мужа, и притом нераздельно. Трудлюбивая подруга жизни войскового писаря, быть может, и подметила кой-что, но молчала: она чувствовала себя не в состоянии влиять на мужа, стоявшего выше ее по образованию. Тем более, что Богдан должен был усвоить на Востоке некоего рода пренебрежение к женщине, этому покорному орудию в руках повелителя мужа, почти невольнице. Если приютившаяся в его доме сирота пришла по сердцу Богдану, то почва для развития страсти была подготовлена. Но законная жена была жива, — приходилось ожидать, и Богдан ожидал терпеливо, теща себя надеждой на более или менее близкую развязку. Но тут как раз, самым неожиданным образом, явился опасный соперник. В Чигирине наступила большая перемена: место прежнего подстаросты занял новый, назначенный на этот пост коронным гетманом, некто Даниил Чаплинский, выходец из Литвы, вдовец, человек уже немолодой, так как у него были замужние дочери: одна из них вышла за Комаровского, помощника тестя в управлении обширными чигиринскими имениями. Вновь назначенный чиновник появился на Украине в конце 1639 года. Выбор Конецпольского был не из удачных, потому что Чаплинский не обладал подходящими качествами. Привыкший к жестокому обращению с крепачами на своей родине, он с бли-

* Сомко Яким Семенович — наказний гетьман Лівобережної України (1660—1663). Походив з міщан м. Переяслава (тепер Переяслав-Хмельницький Київ. обл.). Його сестра Ганна Сомко — перша дружина Б. Хмельницького.

¹⁰ Krasicki в прибавлении к соч. Несецкого, III, 41.

** Мається на увазі Мотрона Чаплинська, дружина чигиринського підстарости Данила Чаплинського, з якою після смерті у 1647 р. першої дружини Ганни Сомко одружився Б. Хмельницький.

зоруким упрямством стремился применить ту же систему и в степях, т. е. в самом неудобном для этого крае, на пограничьи с татарами и запорожскими казаками, которые издевались над всякими административными репрессалиями. К несчастью, Чаплинский имел преувеличенное понятие о своей власти, хотя в действительности она была и велика, благодаря исключительным условиям и легкомысленному отношению местных властей к возложенным на них по конституции обязанностям по охране границ. Вследствие этого подстароста в порученном ему надзоре округе был неограниченным повелителем, если сумел заслужить доверие старосты. Между тем, в это время чигиринский староста был и великим коронным гетманом; непосредственно ему был подчинен комиссар, или «старший», войска запорожского, имевший резиденцию в недалеком Трехтемирове; во время назначения Чаплинского эту должность занимал Петр Комаровский, близкий родственник его зятя, и таким образом сама собою создавалась некоторая зависимость последнего от первого. Следует припомнить, что должность комиссара учредил сам Конецпольский в 1638 г. по усмирении восстания Острицы, и назначение на эту должность выходило из гетманской канцелярии, от нее же зависело и назначение начальников над реестровыми полками; вследствие этого чигиринский полковник Кречовский, подчиненный комиссару, тем самым находился в зависимости от подстаросты, который пользуясь доверием гетмана, присвоил себе власть как над комиссаром, так и над полковником. Надменный, заносчивый, недоступный и склонный к насилию, Чаплинский считал казаков не войском, но сбродом наглых и непослушных мужиков, и воображал, что его задача и даже в некотором роде обязанность заключается в усмирении закоренелого своеволия и в карании самоуправства, которое вытекало из условий жизни народа, чаще имевшего дело с саблей, нежели с плугом. Повторяем, выбор гетмана был не из удачных, хотя у него было под рукой много людей опытных и знакомых с краем. Несправедливо было бы, впрочем, сваливать всю вину за дальнейшие события на одного Чаплинского: он явился на Украину представителем системы притеснения, не им заведенной и практиковавшейся до него, но Чаплинский применял ее слишком грубо, нередко пользуясь властью и законом в угоду собственным капризам и неосновательным антипатиям.

Несколько ознакомившись с местностью, Чаплинский обратил особое внимание на Хмельницкого. Не понравились они друг другу. Войсковой писарь слишком импонировал подстаросте — он считался одним из самых богатых жителей староства; кроме того, Богдан недавно возвратился из Варшавы, где был любезно принят во дворце и даже получил обещания дальнейших вольностей, имел при себе какие-то грамоты — неудивительно, что Богдан держал себя независимо. Чаплинский начал наводить справки об его предках и узнал, что они были мужиками, что отец его, обыкновенный поселенец, назывался Хмелем; а сын — Хмеленком, но затем самовольно изменил фамилию. В ограниченной голове шляхтича не могли поместиться три понятия: хлоп, богач, за панибрата с королем! Дальнейшим поводом к вражде было соперничество в делах хозяйственных. Чаплинский понимал, что удачным и энергичным заселением обширных степных пространств может заслужить неограниченное доверие со стороны великого коронного гетмана. Известно, что девизом Конецпольского в последние годы его жизни было заселение плодородных пустынь Украины, не щадя никаких расходов и жертв. Сюда входили и королевские имения, которые, по заселении их должны были составить как бы оборонительную стену для сел и хуторов, расположенных далее в степях: побольше народу, рабочих рук и сил для отпора татарским набегам — отсюда и большая безопасность для внутренних областей Речи Посполитой, немало терпевших от беспокойных соседей. Благосостояние Богдана кололо глаза

Чаплинскому, который, несмотря на все усилия, не мог вести колонизации так удачно, как простой казак, располагавший гораздо меньшими средствами. Последствием этого явилось рассмотрение прав Хмельницкого на владение землями*. К несчастью, документы не были в порядке, и начались придирки. Обиженный не уступал, он подавал жалобы все выше и дальше — все было бесполезно: по всем правилам закона, которым пользовались лишь когда это было выгодно и удобно, выходило, что чигиринского сотника можно лишить наследственного и даже благоприобретенного имения, утвержденного королем, на том лишь основании, что в свое время акт на владение не был занесен в гродские или земские книги, а королевская грамота не была утверждена сеймом. Заслуги отца чигиринского сотника, погибшего под Цецорой, были при этом забыты. Чаплинский вел дело исподволь и, вероятно, заручился предварительно согласием гетмана, ссылаясь на бунтовские замыслы Богдана, прежде чем приступить к решительным действиям.

Между тем, в Субботове произошли большие перемены: жена Богдана умерла, оставив сирот: Богдан начал пить, по обычаю, столь распространенному на Украине. Эта дурная привычка не осталась без влияния на здоровье сыновей, как младших в роде. Прекрасная Елена продолжала жить у вдовца, быть может, в качестве няньки при детях. Трудно сказать, когда именно узнал ее Чаплинский, но, кажется, это случилось еще при жизни Хмельницкой. Пользуясь отсутствием сотника, подстароста явился в Субботов, чтобы осмотреть хозяйство, о котором так много слышал; нашел все в образцовом порядке; хозяйка, ссылаясь на нездоровье, не вышла к гостю, — место ее заняла Елена, и подстароста был поражен. Вероятно, она была необыкновенно хороша собой, если успела так очаровать двух немолодых уже соперников. Должно думать, что она подавала надежды обоим, — иначе трудно объяснить ожесточенную борьбу их за обладание Еленой. Как бы то ни было, подстароста для похищения девушки распорядился организовать настоящее нападение, «заезд» — обычный в ту пору прием, терпимый законом, но представлявший явное нарушение последнего. Все дело велось под предлогом выселения войскового писаря из незаконно занятого Субботова. Конечно, все совершилось по заранее составленной программе: хаты поселенцев были снесены, взято с гумна 400 коп хлеба, мельница и все хозяйство Хмельницкого сделались добычей пламени, а тем временем девушка была похищена¹¹. Брак был совершен по латинскому обряду, — вероятно, Елена приняла католичество. Это было в 1646 году. Взбешенный писарь вызвал противника на поединок, но едва сам спасся от засады; вслед за тем он кинулся к Конецпольскому, сыну коронного гетмана, управлявшему староством по смерти отца, — бесполезно; обратился к суду — получил отказ. Богдан помчался в Варшаву. За ним поспешил Чаплинский. Оба противника предстали пред лицом сенаторов, приглашенных в качестве судей. В числе других обид, потерпевший упомянул о похищенной девушке, которую назвал своей женой. «Что касается этого, — протестовал подстароста, — то она вовсе не была женой Хмельницкого; он силой держал ее у себя, вот почему она так поспешно ушла от него, а так как она мне пришлась по сердцу, то я и женился на ней. Никто не заставит меня отказаться от нее, но если бы и так, то она сама не

* Причина утисків Б. Хмельницького з боку Конецпольського значно глибша. Її слід розглядати як результат зростання протесту з боку селянсько-козацьких мас у відповідь на посилення шляхетського гніту. Вже тоді такі особисті якості Б. Хмельницького, як освіченість, природний розум, талант полководця, неабиякий військовий досвід робили його досить помітною фігурою серед українського козацтва, що, зрозуміло, було не до вподоби польським властям.

¹¹ Małojowski, Pamiętniki o dziejach pismienictwa i prawodawstwa slowian, 1139, 1, 319

согласится и ни за что не возвратится к Хмельницкому». Присутствовавшие начали подшучивать: «Ну, стоит ли пане сотник, жалеть о такой особе! Свет не клином сошелся,—поищи другой, а эта пусть останется при том, кто ей так понравился»¹². Король тоже не оказал Богдану никакой помощи, при этом случае Владислав будто-бы напомнил Хмельницкому о значении сабли для самозащиты. В сердцах возвратился Богдан на родину; Субботовым он уже не владел, так как новый староста передал его в пожизненное владение Чаплинскому. Поэтому Богдан поселился в Чигирине, в своей усадьбе, чтобы быть поближе к врагу, а может быть и к пани Чаплинской. Можно думать, что последняя подавала ему какие-то надежды, что она приковала его к себе какими-то особыми чарами,— иначе трудно объяснить поведение Хмельницкого. Что ему грозила ежеминутно опасность, можно судить из длинного списка притеснений и насилий, на которые не скупился теперь подстароста в упоении двойной победой над писарем. Ненависть усиливалась по мере того, как росла популярность Богдана в Чигирине; в то время как у Чаплинского было пусто, на дворе у писаря вечно стоял говор и веселье: гостеприимный хозяин угощал многочисленных посетителей, вербовал себе сторонников, нерасположенных к подстаросте. Нередко показывался здесь и черкасский сотник Барабаш, принадлежавший к партии умеренных; Иван Кречовский, некогда уроженец брестский, а теперь полковник чигиринский, следовательно, непосредственный начальник писаря, крестил у него детей и часто навещал кума. Николай Зацвилюховский, после Комаровского бывший комиссаром Речи Посполитой Войска Запорожского, «племени русского и закона русского», высказывал Богдану неизменную дружбу. Приязнь эта завязалась со времени походов против Павлюка и Острицы. При каждом приезде из Трехтемирова в Чигирин Зацвилюховский являлся к войсковому писарю, выступал в роли посредника, старался примирить противников. Но что удивительнее всего, даже преемник Зацвилюховского, печальной в народе памяти Ян Шемберг, охотнее гостил у Хмельницкого, нежели у Чаплинского: до такой степени все осуждали зазнавшегося подстаросту. Писарь громко заявлял, что никогда не участвовал ни в каких мятежах и бунтах, и всегда и во всем поступает законно¹³. Но все это не избавило его от невзгод и притеснений: молодой староста, хорунжий коронный, склонялся на сторону своего подручного Чаплинского и безнаказанно позволял ему бесчинствовать. Однажды Чаплинский приказал высечь публично на рынке Тимоша, старшего сына Хмельницкого, за какую-то провинность¹⁴; затем наслал на него товарища, который во время похода хватил его обухом по голове; наконец, подговорил простого казака Песту обвинить чигиринского сотника пред старостой в измене и бунтовских происках. В списке обид, посланном Михаилу Потоцкому, вел. кор. гетману по смерти Конецпольского, сам Богдан выражается по этому поводу так: «Самой тяжкой обидой признает Хмельницкий то, что какой-то Песта, хам, казак, коварно очернил его пред его милостью паном хорунжим коронным в замыслах отправить артиллерию на море и т. п.»¹⁵⁻¹⁶. Подстароста постепенно все более ожесточался против своего противника; зять Чаплинского публично грозил, что «если не удастся справиться с Хмельницким, то прикажет убить его». Однако этого не случилось; из заточения освобождал сотника Кречовский в качестве поручителя, а иногда даже сама пани подстаростина. Хмельницкий патетически упоминает об этом — единственное письменное восхваление женщины грозным впоследствии мстителем: «Если бы не эта доб-

¹² Костомаров Н. И. Указ. соч.— С. 238—241.

¹³ Ojczysty spominki, II, 111.

¹⁴ Szajnocha. Dwa lata dziejów naszych, II, 8.— Szkice historyczny, IV, 197.

¹⁵⁻¹⁶ Michałowski. Księga pamiątnicza, 5.

рожелательная и невинно страждущая Эсхирь»,— восклицает Хмельницкий,— не уйти бы ему от мести жестокого тирана, ее мужа¹⁷. Обстоятельство это дает повод думать, что и Елена, несмотря на брак с подстаростой, не была вполне равнодушна к чигиринскому сотнику: быть может, ею руководило сожаление— ведь по ее вине он пострадал; возможно, что на нее произвела сильное впечатление эта выдающаяся энергия человека, не опускавшего рук, несмотря на все удары судьбы. С другой стороны, Чаплинский, по-видимому, еще не был вполне удовлетворен своей победой— не догадывался ли он о симпатии жены к непокорному казаку? Во всяком случае, Елена сумела усыпить подозрительность мужа, коль скоро он снисходил к ее просьбам и, хотя временно смягчался в своей ненависти к сопернику, как будто успокаивался. Судя по дальнейшим фактам, можно думать, что, подчиняясь убеждениям и предостережениям Чаплинской, войсковой писарь решил исчезнуть из глаз опасного врага и ушел на Низ в декабре 1647 г., покинув все, только старшего сына Тимоша взял с собой*.

Скитаясь по днепровским островам, Богдан продолжал посылать жалобы к влиятельным лицам в Речи Посполитой, и на первом плане всегда стоял ненавистный муж Елены: очевидно, Богдан не мог забыть о нем. Тоска, оскорбленная любовь, как ржавчина, грызла сердце Богдана; в гжучих словах он выражал свою злобу к Чаплинскому и из заурадного старосты тем самым сделал его исторической личностью. Изливши свой гнев, он уже спокойнее излагал затем другие свои обиды и претензии. Вот характерная для Богдана выдержка из одной такой жалобы, посланной великому гетману коронному Николаю Потоцкому: «Не весть откуда явился нарушитель спокойного житья моего, Чаплинский, литовский бродяга, польский пьяница, вор и грабитель украинский, подстароста чигиринский, который, распоряжаясь в течение восьми лет в Чигиринщине именем своего господина, пана Конецпольского, коронного хорунжего, клеветническими извещениями и доносами в конец погубил многих наших братьев и присвоил их имущество; и конечно уж не пан хорунжий коронный, а слуга его, лжец, изменник и пьяница Чаплинский владеет Чигиринщиной»¹⁸.

Таким образом, не подлежит сомнению, что в этом кровавом историческом споре не последняя роль принадлежала женщине.

Из подстаростины — гетманша

Не прошло еще года с той поры, как Хмельницкий ушел из Чигирина, опасаясь мести подстаросты,— и в положении его произошла огромная перемена: из преследуемого войскового писаря он делается владыкой Украины, льстецы приравнивают его к Александру Македонскому, ему подвластны обширные земли на пространстве 26500 квадратных миль. В первое время триумфатор смутился своей удачей— триумф был достигнут поистине с головокружительной быстротой. В первых шагах Хмельницкого замечается какое-то колебание: он идет вперед неохотно, как бы подчиняясь давлению взволнованных народных масс, поставивших его во главе движения. По временам, под влиянием винных паров, он гневлив, заносчив, грозит своим врагам; но в спокойные минуты он действует иначе, стремится к миролюбию и даже иногда со-

¹⁷ Szajnoch. Dwa lata, II, 7.

* Відхід Б. Хмельницького у грудні 1647 р. на Запорозжя пояснюється підготовкою козацького повстання проти шляхетського поневолення, що розпочалося ще влітку 1647 р. Разом з Б. Хмельницьким та його старшим сином Тимошем на Січ виїхало від 300 до 500 реєстрових козаків. Раптовість від'їзду Хмельницького пояснюється тим, що Шемберку і Конецпольському стало відомо про його плани, і над майбутнім гетьманом нависла загроза арешту і навіть фізичного знищення.

¹⁸ Szajnoch. Dwa lata, II, 6.

жалеет о прошлом. Примерный и опытный хозяин, так преданный земле, он видел вокруг себя только опустошение. В самом деле, уже в августе, т. е. через три месяца после начала вооруженной борьбы с Речью Посполитой, насчитывалось 65 опустошенных местечек на Украине, а лежащие вокруг них деревни были сметены, точно ураганом; вся область по р. Горыни представляла настоящую пустыню¹⁹. Разорение коснулось и земель, на которые не простирались претензии казаков, достигло Львова и Замостья. Северная Волынь, Пинщина, Белоруссия разграблены были вконец. На востоке казацкие укрепления проникли далеко за Днепр, не говоря уже о землях к югу, которые оказались бесхозными в полном смысле слова. «Города опустели,— пишет неизвестный современник,— не осталось ни одного шляхтича, только plebs, часть которого перешла к Хмельницкому, а другая сидела дома, несмотря на казацкие «загоны», хотя в последних нередко участвовали татары и оставшимся дома землеробам грозила жестокая кара²⁰. Число погибших неизвестно, но оно было, по-видимому, огромно, судя хотя бы по данным об избиении евреев, приведенных у Греча²¹: в 1648 г. в Немирове погибло 6000, в Тульчине (Нестерваре) 2000, в Полонном 10000 евреев — грабеж оценивали в 4000000 зл.²². Разом с евреями погибли в Полонном и 400 шляхтянок и христианских детей, искавших спасения в замке. В Константинове истреблено 3000 евреев, в Баре 2000, в Нароле 12000, не упоминая уже о менее значительных погромах в Заславе, Остроге, Дубне, Виннице, Брацлаве и т. д. Голод и переполох привели за собою и эпидемии: в одном Львове погибло от мора до 10000 евреев. В общем разорено 300 еврейских «приходов», входивших в состав кагалов²³ и истреблено в них до 250000 жителей. Евреи живо помнят это страшное время, и до настоящего дня немировские евреи встречают 21 июня постом и молитвой. Воевода брацлавский Кисель уже в августе 1648 г. горько упрекает своего приятеля Хмельницкого за эти вопиющие к небу свирепства. В это время Хмельницкий готов был еще оказывать пощаду и даже советовал белочерковскому старосте Черному укрыться с людьми и скотом в местечко²⁴. У Желтых Вод в плен было взято 3000 польских солдат и офицеров, в том числе Шембечек (?) и Сапега, комиссары — их приказано было кормить, а раненых лечить и ухаживать за ними как следует²⁵. После Корсунского погрома пленным полякам (исключая гетьманов и 60 высших офицеров, предназначенных для хана) предложено было выкупиться. 8000 рядовых увел Тугай-Бей в Крым. В Чигирине осталось 520 солдат и 65 офицеров, обещавших дать выкуп и поступивших в собственность гетману. Когда Кисель хлопотал чрез своего посланца за этих пленных, Хмельницкий успокаивал его, уверяя, что все поляки, доставшиеся в гетманские руки, останутся живы и невредимы²⁶. Но по мере успехов жестокость возрастала. Из числа пленников, взятых в Баре и Кодаке, гетман часто брал с собою более важных, а драгуны, прикованные к пушкам, тащились в обозе гетманском. Отправленные в 1649 г. в Переяслав пленные просили даже отослать их к татарам, гетман не согласился и даже отвечал угрозами, но, видно, надзор был не слишком суров, если при выезде из Киева польских комиссаров в свите их укрылось до 100 пленных, в том числе несколько офицеров и много драгун кодацких²⁷. Но через два года обстоятельства сильно изменились.

¹⁹ Michałowski. Księga pam., I, 151, 158.

²⁰ Michałowski, op. c., I, 65.

²¹ Київ. старина, XXIX, 398.

²² Michałowski, op. c., I, 158.

²³ Арх. ЮЗР, ч. V, т. II, Киев, 1890.

²⁴ Пам. изд. Киев. ком., I, 3, 48.

²⁵ Величко, Летопись, I, 64.

²⁶ Пам. изд. Киев. ком., I, 3, 214.

²⁷ Michałowski. Księga pam., 372.— Пам. изд. Киев. ком., I, 3, 351, 354.

Лишь по возвращении из-под Замостья, осенью 1648 г., появился Хмельницкий снова в Чигирине, встреченный народом с великою радостью и торжеством²⁸. Тогда же он вступил во владение Субботовым, который еще раньше был приведен по его приказанию в порядок. Резиденцией гетмана была назначена собственная его усадьба, а прежнее помещение подстаросты обращено в тюрьму.

В Чигирине же впервые появляется и жена подстаросты — Чаплинская. Где она находилась в начале кровавой борьбы, что случилось с ее неудачником-мужем, трудно сказать. В мае 1648 г. в Чигирине уже не было польского гарнизона, так как сюда отправлены желтоводские пленные. Сомнительно, чтобы Чаплинский при таких условиях продолжал спокойно оставаться на уряде. По словам Величка, Хмельницкий после битвы при Желтых Водах отправил в Чигирин 150 верных и опытных казаков, поручив им задержать Чаплинского. Поручение было исполнено в точности, и через два дня подстароста предстал пред очами гетмана, который велел его казнить и тело его в знак презрения закопать далеко за обозом²⁹. Но если так, то чем объяснить упорные требования гетмана к Речи Посполитой о выдаче ему того же Чаплинского, повторяющиеся в течение почти всего следующего года?³⁰ Не только письменно, но и лично Хмельницкий просил об этом и Киселя как комиссара Речи Посполитой; конечно, Кисель протестовал бы, если бы Чаплинский был уже казнен. Между тем Хмельницкому важно было устроить с дороги подстаросту, хотя бы потому, что он был мужем женщины, которую гетман взял себе в жены. Не подлежит сомнению, что Чаплинский сумел скрыться вовремя; быть может, он наткнулся при этом на казацкий загон и погиб, а жена его попала в плен и в Чигирине ожидала решения своей судьбы. Мы встречаем ее здесь уже в ноябре 1648 г. Оригинальный брак этот состоялся в первых числах января 1649 г. как будто через заместителя: гетман был в то время в Киеве, Чаплинская — в Чигирине. Благословлял патриарх, как об этом сообщал Хмельницкий Киселю несколько позже: «на войне с ляхами благословил, дал титул *illustrissimo principis*, обвенчал меня с женой и отпустил грехи, хотя я не исповедывался»³¹. Кисель, как православный, считал этого патриарха самозванцем. За отпущение грехов Хмельницкому, который не исповедывался, так как «имел хмель в голове», патриарх получил в подарок 1000 зл. и упряжку в 6 лошадей. Он же послал Чаплинской разрешение грехов, «благословение на брак, три самовозгорающиеся свечи, молоко Пресвятой Девы и миску лимонов»³².

Судя по дошедшим известиям, степная Елена не сумела удержаться на высоте своего неожиданного положения, не принимала участия в общественных делах и выступала лишь в подчиненной роли хозяйки, угощающей гостей своего мужа, а главным образом его самого. Некоторые полагают, что она делала так с целью угодить своему господину и таким образом приобрести на него и его окружающих влияние, но на самом деле влияние это ни в чем не заметно. Наряженная в дорогие материи и бархат, в бриллиантовом ожерельи, диадеме и с великолепными перстнями на пальцах, она во время приемов наполняла золотые кубки обыкновенной водкой и подносила гостям, набивала «люльки», а в заключение подносила мужу нюхательного табаку на глиняном черепке, из вежливости присутствующие тоже угощались³³. Неизвестно, как относились к этому браку окружающие гетмана, — быть

²⁸ Quatre années de guerre etc., trad. de Chebren de javan Machsoula par Daniel Levy, 69.

²⁹ Величко, летопись, I, 63 сл.

³⁰ Michałowski, op. c., 366, 371, 372.

³¹ Michałowski, op. c., 377.

³² Памятники, I, 3, 325—339; Michałowski, op. c., 378.

³³ Венгржиковский.

может, не обходилось без порицаний. Кисель согласился взять с собою жену, когда отправлялся к гетману в качестве комиссара Речи Посполитой, лишь после того, как удостоверился, что при свидании сторон не будет присутствовать «незаконная» подруга Хмельницкого. Очевидно, исключительное положение бывшей подстаростины служило трудно одолимым препятствием для роли «владельческой особы», и Елена не старалась устранить эту помеху. Но все же, как жена человека, державшего в руках судьбы миллионов людей, она могла бы иметь на него доброе влияние — ведь он любил ее горячо, но не сумела, или, скорее, не заботилась об этом...

Нет никаких указаний на ее дела милосердия, заступничества, облегчения тяжелой участи несчастных... Правда, при данных условиях это было бы и небезопасно, но женщина с сердцем, столь могущественная, легко могла устранить препятствия и творить добро втайне, не ожидая громогласной благодарности. Известно, что некоторая часть захваченных погромом поляков успела спастись. Из рассказов беглецов узнаем имена лиц, протянувших им руку помощи. С благодарностью упоминаются какой-нибудь Тугай-Бей, Хмельницкий, киевские мещане и духовенство³⁴. Известно благодетельное влияние Выговского на гетмана: войсковой писарь нередко смягчал гнев Богдана и облегчал участь тех, которые должны были пасть жертвой. Дочери Хмельницкого также выказывали теплое сочувствие к несчастным и всеми силами старались облегчить их тяжкую участь. Лишь о гетманше никто не упоминает в этом отношении. Даже в титуле ей отказывают, и современные мемуаристы пренебрежительно называют ее бывшей женой Чаплинского. Судя по всему, она играла самую ничтожную роль в этом полудиком обществе. Пустая, легкомысленная щеголиха, жившая со дня на день, она не сумела даже завязать ближайших отношений с женами подчиненных гетмана: женщины простые и даже грубоватые, но в сущности нравственные, они не могли простить ей ее прошлого и ее роли очаровательницы в мужском обществе. Таким образом, она жила все время при дворе гетмана в одиночестве и водилась только с ворожками. А было их немало: уже под Замостьем является какая-то чародейка Маруша, прибывшая с войском с дальней окраины; под влиянием ее предсказаний казаки будто бы приостановили осаду замка. Во время похода к Берестечку много ворожек сопровождало казацкую старшину; обозная чернь обрушила на них свой гнев за неудачу и нещадно мучила за ложные предсказания³⁵. Наряду с обозными, немало было и придворных ворожек — нечто в роде доморощенных астрологов в юбках; гетман почти каждую ночь совещался с ними, как это видно из путевого дневника комиссаров в Переяславе; так напр., в феврале 1649 г. встречаем следующую отметку: «долго спал (Хмельницкий), так как подпил с ворожками, которые часто его забавляют и обещают ему удачу на войне и в этом году»³⁶. Без сомнения, и гетманша прибегала к их помощи, чтобы хотя этим путем приобрести влияние на суеверного мужа.

Оставалась еще одна важная обязанность — воспитание детей гетмана; посмотрим, как справилась с этим Елена. Первая жена Богдана оставила четверо детей; вторая жена знала их давно, и они знали ее хорошо; своих детей у нее не было, и тем легче могла она заняться сиротами. В рассматриваемую эпоху две старшие дочери Богдана уже подросли.

Дошедшие до нас, правда скудные, известия рисуют характер девиц в благоприятном виде, но сомнительно, чтобы это было результатом влияния мачехи. Резкую противоположность представляют сы-

³⁴ *Histori belli cosac., pol.*, 91—93.— *Летопись Ерлича*, II, 70.

³⁵ Костомаров. *Богд. Хмельн.*, II, 41, 364.

³⁶ *Michałowski. Księga pam.*, 374.

новья гетмана. Величко, несмотря на свое уважение к памяти Богдана, называет их необузданными грубиянами³⁷. Первенство в этом отношении принадлежало старшему. Это была совершенно испорченная натура, едва ли не с самого детства. Он рано начал жить, физическое развитие было не особенно сильное, он был изуродован оспой, к книге не лежало у него сердце; с детства привыкший к водке, самолюбивый, мстительный, склонный к дурным шалостям, хотя обыкновенно мрачный и молчаливый, Тимош, должно быть, отличался немало, если зять подстаросты Чаплинского велел его, 12-летнего мальчика, высечь публично на рынке в Чигирине. Можно бы согласиться, что это было актом личной мести писарю войсковому, если бы не дальнейшие факты из непродолжительной жизни Тимоша, объясняющие такой поступок Комаровского. Вскоре после того мальчик отправился с отцом в Запорожье; пребывание здесь, а затем в Крыму в течение почти целого года довершило воспитание Тимоша, столь удачно начатое. Отец оставил его за Перекопом в качестве заложника; хан поручил Тимоша надзору какого-то армянина, юноша познакомился с ханским двором и мурзами³⁸ — все это неприятно отразилось на характере будущего казацкого предводителя: он отатарился и одичал еще более, научился, правда, местному языку, но вместе с тем вынес из ханского дворца равнодушие к делам веры, неуважение к семье, необузданность, коварство, при отсутствии энергии, быть может, и физические силы, надорванные еще в детстве, приходили в упадок. Из Крыма он явился только под Пилавой во главе татарского отряда³⁹. В Чигирине Тимош уже застал мачеху, которая если не *de jure*, то *de facto* распоряжалась здесь в качестве владетельной особы. Он не любил ее и выказывал это нерасположение с самого начала; малорусские летописцы с великим огорчением рассказывают, как «странно» поступил Тимош с монахом, посланцем упомянутого уже патриарха, который привез Чаплинской, кроме необычных подарков, еще и отпущение грехов: тринадцатилетний Тимош сперва напоил гостя водкой, а когда тот свалился с ног, сбрил или выжег ему бороду, чтобы выставить монаха на посмешище. Гетманша, чтобы несколько вознаградить посланца, подарила ему 50 талеров⁴⁰. Тимош постоянно наделал мачехе и, входя в лета, устроил при гетманском дворе враждебную ей партию. Некоторые полагали, что ненависть эта была вызвана обманутой или неудовлетворенной любовью, которая началась будто бы еще в то время, когда Елена была служанкой войскового писаря. Приводим эту догадку лишь для дополнения характеристики. Во всяком случае, следует сказать, что дурные качества Тимоша явились не по вине гетманши. Младший сын, Юрий, обыкновенно называемый Юрком или Юрасем, выказывал некоторую привязанность к мачехе; родной матери он не помнил — она умерла, когда Юрий был еще ребенком. Это был мальчик до крайности слабый и тщедушный, и таким он остался до конца своей недолгой жизни. Его обучали хоть немного: у него был учитель монах, преподававший мальчику латынь; Самуил Зорко, секретарь отца, знакомил Юрия с польским языком, который считался в то время как бы языком дипломатии⁴¹; Известно еще, что по смерти гетмана Юрий окончил курс богословия в Киевской академии⁴². Но на нем сказалось влияние алкоголизма отца*: Беневский в 1660 г. пишет, что Юрий

³⁷ Летопись, I, 14.

³⁸ *Ib.*, I, 47.

³⁹ Костомаров, Богд. Хм., I, 4.

⁴⁰ *Opowiadania historyczne*, t. I.

⁴¹ Памятники, I, 3, 339.

⁴² Величко, I, 54.

* Навряд чи можна погодитися з авторською оцінкою особи Б. Хмельницького. Тут відчувається його некритичне ставлення до деяких польських джерел. Безперечно, що така непересічна історична фігура, як Б. Хмельницький потребує більш уважених оцінок.

страдає епілепсією, а Величко називає його «євнухом»⁴³, хоча із других источников знаємо, що він любив жінчин і внаслідок цього, досягнувши влади на Україні, устроїв в Немирові цілий гарем в турецькому вкусе⁴⁴. Из всей семьи гетмана только Юрий был привязан в детстве ко второй жене Богдана. В благодарность за это и мачеха окружала болезненного и слабого ребенка всевозможными заботами.

(Далі буде)

⁴³ Самовидец, 2 изд., 520.

⁴⁴ Летопись, I, 14.

В. М. Матях (Київ)

Публікація журналу «Киевская старина»

У 1882 р. в Києві почав виходити перший на Україні щомісячний історичний журнал «Киевская старина» — по суті єдине українське наукове легальне видання на той час¹. Його було засновано за ініціативою В. Б. Антоновича, О. М. Лазаревського, П. Г. Лебединцева, Ф. Г. Лебединцева, П. І. Житецького та М. І. Петрова, а редакторами-видавцями в різні роки були Ф. Г. Лебединцев (1882—1887), О. С. Лашкевич (1888—1889), Є. О. Ківлицький (1890—1891) та В. П. Науменко (1892—1906). До складу редакції «Киевской старини» входили В. Антонович, П. Житецький, О. Лазаревський, О. Левицький, І. Малишевський, Ф. Тарновський, П. Лебединцев, В. Мякотін, М. Стороженко, М. Шугуров та ін. В 94 томах, що вийшли за час існування журналу, було вміщено 288 статей з археології, 304—з історії церкви, 1062 статей, заміток і матеріалів з історії², які охоплювали переважно різні питання історичного буття українського народу XVI—XVIII ст., а саме: історії селянства; формування феодального землевладіння в різних регіонах України; соціально-економічного розвитку українських земель, їх колонізації; розвитку українських міст, промислів та торгівлі; антифеодальної та національно-визвольної боротьби народних мас; взаємозв'язків українців з іншими народами; розвитку етнічної культури українського народу тощо. Комплекс матеріалів присвячено висвітленню історії Запорозької Січі та українського козацтва.

Значну увагу приділяли співробітники редакції публікації історичних джерел, багато з яких вперше вводилися до наукового обігу саме на сторінках «Киевской старини».

Поряд з відомими вченими, на сторінках журналу «Киевская старина» друкувалися й автори, чиї праці з тих чи інших причин нині майже невідомі не тільки широкій громадськості, а й навіть у вузьких колах істориків-професіоналів. До них належить Йосип Йосипович Ролле — знавець історії Поділля, який друкував свої твори під псевдонімом «доктор Антоній І».

Син французького емігранта, уродженець Могилівського повіту Подільської губернії Й. Ролле після закінчення вінницької гімназії

¹ Короткий Ю. А. З історії створення першого історичного журналу на Україні / До 90-річчя виходу в світ першого номера журналу «Киевская старина» // Укр. іст. журн.— 1972.— № 1.— С. 125.

² Швидько А. К. Вопросы истории феодальных городов Украины в журнале «Киевская старина» // Некоторые вопросы социально-экономической и политической истории Украинской ССР: Сб. статей.— Днепропетровск, 1973.— Вып. 40.— С. 138.